

Археологические вести

— 26 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

А. С. С.

Archaeological news

26
(2020)

On the 90th anniversary of Aleksandr Danilovich Grach

SAINT PETERSBURG
2020

Археологические вести

26
(2020)

К 90-летию Александра Даниловича Грача

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Рабочая группа: В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

К ИСТОРИИ ПОХОДА 711 ГОДА: ДРЕВНИЕ ТЮРКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Д. Г. Савинов¹

Аннотация. В истории древних тюрков периода Второго тюркского каганата, связанной с завоеваниями на севере Центральной Азии, наиболее яркий след оставил поход за Саяны 711 года против енисейских кыргызов. Сведения о них есть в письменных источниках; отражены они и в археологических памятниках древних тюрков на территории Минусинской котловины. Такое сочетание письменных и археологических источников предоставляет наиболее благоприятные условия для близкой к действительности интерпретации событий. Исходя из всех рассмотренных в статье данных – нахождение в одном небольшом стратегически важном районе большого количества наскальных изображений, рунических надписей, нескольких изваяний и значительной части из всех известных погребений с конем этого времени, – можно предполагать существование здесь, на северо-западе Минусинской котловины, древнетюркской фактории, появление которой было связано с походом 711 года. Древнетюркская фактория на северо-западе Минусинской котловины, где должен был проходить путь из страны кимаков на Иртыше (Восточный Казахстан) в страну кыргызов (на Енисее) и далее в Прибайкалье, могла играть роль контролирующего центра на этом участке северного варианта Великого шелкового пути.

Annotation. The raid of 711 AD across the Sayans against the Yenisey Kyrgyzes was the most vivid imprint in the history of the early Turks of the Second Khaganate period connected with the conquests in the north of Central Asia. Information on them is found in written sources and they are reflected also in archaeological monuments of the early Turks in the area of the Minusinsk Depression to which the military raid of 711 was directed. This combination of documentary and archaeological sources is very propitious for a most realistic interpretation of the events. All the data here considered, i. e. the presence of numerous rock representations, runic inscriptions, several statues and a considerable number of the known burials with a horse within a single small but strategically important region, suggest the existence of an early Turkic trading outpost here, in the north-west of the Minusinsk Depression. Its appearance was connected with the raid of 711. An early Turkic trading outpost in the north-west of the Minusinsk Depression where the route from the land of the Kimaks on the Irtysh (East Kazakhstan) to the land of the Kyrgyzes (on the Yenisey) and farther on to the Baikal region must have passed, can have played the role of a control centre in this part of the northern branch of the Great Silk Way.

Ключевые слова: Второй тюркский каганат, древние тюрки, древнетюркская фактория, каменные изваяния, наскальные изображения, погребения с конем, рунические надписи, Минусинская котловина, Центральная Азия.

Keywords: Second Turkic Khaganate, early Turks, early Turkish trading post, stone statues, rock representations, burials with a horse, runic inscriptions, Minusinsk Depression, Central Asia.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-216-229

В истории древних тюрков периода Второго тюркского каганата, связанной с завоеваниями на севере Центральной Азии, наиболее яркий след оставил поход за Саяны 711 года против енисейских кыргызов, имевший, судя по всему, значительно большее значение, чем один из эпизодов их военной истории. В источниковедческом отношении крайне важно, что эти события освещены с разных сторон

в независимых друг от друга источниках. Это письменные источники – тексты знаменитых орхонских надписей из Монголии (в переводах С. Е. Малова), с одной стороны, и рунические надписи из Алтын-Келя на Енисее (в переводах С. Г. Кляшторного), с другой, а также археологические памятники древних тюрков этого времени на территории Минусинской котловины, куда был направлен их военный поход 711 года. Такое сочетание письменных и археологических источников предоставляет наиболее благоприятные условия для близкой к действительности интерпретации событий, что неодно-

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.

кратно привлекало внимание исследователей. Однако, как показывают ранее использованные и новые материалы, возможности подобного рода исследований еще далеко не исчерпаны.

Письменные источники

Историческая «канва» рассматриваемых событий в самых известных рунических надписях-эпитафиях (надписи Кюль-тегина, Могиляня и Тоньюкука) по своему содержанию может быть разделена на несколько взаимосвязанных сюжетов и в кратком изложении представлена следующим образом.

Предшествующие события (они же, очевидно, главная причина завоевательных походов тюрков на север) наиболее полно раскрыты в Большой надписи Кюль-тегина. При этом говорится о нескольких народах, уже завоеванных ранее, но проявивших «непокорность» или каким-то образом «обязанных» тюркам. Буквально: «Тюргешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал (своего блага) и провинился перед нами, то сам каган умер (т. е. был убит), его приказные и правители также убиты...» Народ «десяти стрел (токуз-огузы. – Д. С.) подвергся притеснению. Говоря: пусть не будет без хозяина страна (букв.: Земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или азский) народ...» (Малов, 1951. С. 38). То же о енисейских кыргызах: «... Был Барс-бег; мы в то время (или при тех обстоятельствах) даровали ему титул кагана и дали (ему в супружество) мою младшую сестру-княжну. (Но) сам он провинился, (а потому) каган умер (т. е. он сам был убит), а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: "Пусть не останется без хозяина страна Кёгменская, – мы завели порядок в немногочисленном (т. е. пришедшем тогда в упадок) народе кыргызов (что и произошло после похода 711 года. – Д. С.)"» (Там же. С. 38–39). Совершенно очевидна логическая связь описываемых ситуаций: сближение (родство) – неповиновение (неблагодарность) – причина для военного похода (воздаяние).

Вероятно, то же можно было бы сказать о других народах, завоеванных в это время древними тюрками. Еще раньше от них бежали в Семиречье карлуки, жившие на Алтае и родственные тюркам («тюрки-карлуки»). Именно эти народы – тюргеши (народ «десяти стрел») и енисейские кыргызы при содей-

ствии Китая (народа «табгач») стали основой анти-тюркской коалиции. «Каган (народа) табгач был нашим врагом. Каган (народа) "десяти стрел" был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган», – говорится в надписи Тоньюкука. Главной целью создания этой коалиции было свержение власти древних тюрков (династии Ашина). Иначе: «Если мы не пойдем против него, как бы то ни было, он нас победит. <...> Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали (они)» (Там же. С. 66–67).

Подготовка к военным действиям. В 709 г. первыми против тюрков выступили при поддержке кыргызов соседние с ними чики, очевидно жившие на территории Центральной Тувы (Хемчик – «река чиков»). «Когда мне было двадцать шесть лет, – говорится в надписи Могиляня, – народ чик с кыргызами стали (нам) врагами. Перейдя через Кем (Енисей. – Д. С.), я двинулся с войском против чиков, сразился при Орпене и разбил их войско» (Малов, 1959. С. 20). Судя по всему, древнетюркский Орпен – это чудом сохранившееся название пос. Урбюн на севере Центрально-Тувинской котловины, недалеко от места впадения Хемчика в Енисей (Кем), у самых южных отрогов Западных Саян². Скорее всего, завоевание земли чиков можно рассматривать как подготовку плацдарма для будущего военного похода через Саяны (*древнетюркск.* Кёгмен).

Одновременно осуществлялись определенные действия во внешней политике Тюркского каганата. В 710 г. пришедший к власти в Китае император Джуйцзун отказался от участия в военных действиях против тюрков. К китайскому двору прибыло посольство Капаган-кагана с предложением договора о «мире и родстве», которое Джуйцзун принял. В это же время происходит реорганизация тюркской армии: правое и левое крыло возглавили шады, ближайшие представители династийного дома Ашина – младший брат кагана Дуси (левое крыло) и сын Кутлуга Могиляня, будущий Бильге-каган (правое крыло). Над ними обоими Капаган поставил своего старшего сына Бегю, дав ему титул «малого кагана». При этом была выделена ударная часть тюркского войска (до 40 тысяч воинов) для дальних

² Ныне затоплен водами Тувинского моря – водохранилище Саяно-Шушенской ГЭС.

походов, получившая почетное наименование «Открывающая Запад» (*Кляшторный*, 1964. С. 138).

Опережающий удар. Не дожидаясь нападения участников антитюркской коалиции, тюрки Ашина под водительством главных командных сил государства в 711 году предприняли упреждающий поход через Кӱгмен (Западные Саяны) и разбили своих главных противников кыргызов. Упоминания об этом походе как об очень важном событии военной истории древних тюрков имеется во всех больших орхонских надписях-эпитафиях. Наиболее подробное его описание содержится в надписи Тоньюкука, бывшего идеологом и, по сути дела, основным исполнителем всего предприятия. Можно предполагать, что это была та самая передовая (привилегированная?) часть тюркского войска, а ближайшим местом исхода всего военного похода была Центрально-Тувинская котловина.

Приведенные в надписи Тоньюкука наименования позволяют уточнить обстоятельства перехода армии древних тюрков через Саяны. «Когда я услышал, что дорога через Кӱгмен (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем». Для поиска иного пути Тоньюкук «искал знатока той местности и нашел человека из степных азов» (*Малов*, 1951. С. 67). Чики и азы – два народа, не входившие в состав общности теле, чаще всего упоминаются вместе; при этом азы поселяются западнее чиков, предположительно на Алтае. Недавняя находка на Алтае (Калбак-Таш) рунической надписи с упоминанием азов (*Кубарев*, 2016) подтверждает это предположение.

После переправы через Ак-Тэрмель (?) тюрки «поднялись в горы». Как говорится в надписи Тоньюкука, «я пробил дорогу сквозь снег. <...> С большим трудом мы спустились, в десять ночей (шли тайно? – Д. С.) обойдя (горный, снежный) завал» (*Малов*, 1951. С. 67). Еще более образно рассказывается об этом в надписи Кюль-тегина: «Проложив дорогу через снег глубиною в копьё и поднявшись на Кӱгменскую чернь...» (Там же. С. 41). Можно думать, что этот путь, занявший, если верить источнику, десять ночей, через снежные завалы в Западных Саянах был для древних тюрков, привыкших к степным просторам, нелегко и непросто. «Местный путеводитель (Иван Сусанин начала VIII в.! – Д. С.), сбившись с пути, был заколот». В конце концов

тюрки спустились по реке Аны: «Да отправимся мы по реке Аны. <...> Мы шли по течению этой реки» (Там же. С. 67). Название Аны, скорее всего, – это Он (или Она), один из самых больших притоков Абакана (*Бутанаев*, 1995. С. 8), ведущий уже в Минусинскую котловину. Так тюркское войско оказалось в земле енисейских кыргызов. Столь подробно останавливаемся на этих уже хорошо известных обстоятельствах перехода в 711 г. тюркского войска через Саяны, чтобы показать, с какими трудностями было связано такое предприятие, а следовательно, достаточно сложным должно было быть и его возвращение.

Обстоятельства победы над кыргызами. Опять из надписи Кюль-тегина: «Мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. <...> Киргизского кагана мы убили, а племенной союз его взяли» (*Малов*, 1951. С. 41). В этом ночном (?) бою погиб Барс-бег – муж младшей сестры Могилянна, одного из предводителей похода, незадолго до этого получивший титул кагана.

О гибели Барс-бега и его сподвижника Эрен Улуга, первого (?) посла от кыргызов «к тибетскому кагану», говорится в надписях Алтын-Келя («Золотого озера»), переведенных С. Г. Кляшторным (*Кляшторный*, 1976). Стелы с достаточно пространными для кыргызских надписей эпитафиями были найдены крестьянином дер. Иудино близ небольшого озера Алтын-Кель и вскоре после открытия Минусинского музея (1887 г.) перевезены туда его основателем Н. М. Мартьяновым (Там же. С. 258). Дер. Иудино – это совр. Бондарево (Бейский район Республики Хакасия) на юге Минусинской котловины (*Бутанаев*, 1995. С. 22, 62). Очевидно, здесь, на территории Койбальской степи в непосредственной близости от северных отрогов Западных Саян, расположилось войско кыргызского кагана в преддверии несостоявшегося похода против тюрков.

Помимо факта идентификации этих надписей с событиями 711 г., установленной С. Г. Кляшторным как основания для датировки енисейской рунической письменности, в них содержится несколько очень интересных и важных свидетельств, раскрывающих новые грани культуры раннесредневековых кочевников – тюрков.

В надписи Барс-бега перечислены те ценности (и это вообще единственный случай! – Д. С.), которые должны были сопровождать покойного воина столь высокого ранга: «Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, мои драгоценности! О, мои сокровища! Не покидай (нас)» (Кляшторный, 1976. С. 261). В целом (кроме «шестерых мужей») это сопоставимо с данными археологических источников. По мнению С. Г. Кляшторного, «по смыслу этого сообщения <...> тело героя, павшего на поле битвы, не было погребено должным образом. <...> его эль (народ. – Д. С.) потерпел жестокое поражение, ибо не только не смог сберечь воина их ханского рода, но даже предать его тело погребению по обряду» (Там же. С. 265), т. е. имеется в виду нечто, подобное кенотафу.

Однако возможны и другие объяснения: или чернь Сунга, где погиб Барс-бег, могла находиться где-то в другом месте; или, что более вероятно, тело погибшего кыргызского кагана, как ближайшего родственника (члена семьи?) победителей-тюрков, могло быть увезено ими и погребено каким-то иным – соответствующим – образом. Что касается Эрен Улуга, стела которого находилась здесь же, то он действительно «не вернулся»; его уход обозначен удивительно ярким образом: «О горе! Я ушел в Золотую степь» (Там же. С. 262). Возможно, что, помимо художественной силы выражения, это отражает представления о пространственном устройстве мира (как и ряды камней-балбалов в ритуальных памятниках древних тюрков!) и связанных с этим «обрядовых переходах».

А что дальше? Победоносный поход 711 года тюрков закончился. «Мы пришли, сразились и снова дали (страну для управления киргизу?)», – говорится в памятнике Кюль-тегина (Малов, 1951. С. 39). Сведения о дальнейшей судьбе тюркского войска в надписи фактического руководителя похода «мудрого Тоньюкука» противоречивы. С одной стороны, как будто прямо сообщается, что «мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кбгменскую чернь» (Там же. С. 67). С другой, дальше опять говорится о выступлении тюргешей; причем в тех же словах и выражениях, как и в начале предполагаемых действий антитюркской коалиции.

Узнав об этом «от лазутчика», Бегю-каган (малый каган, формальный предводитель всего похода)

сказал: «Я отправляюсь домой. Моя жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии; ты же (сказал он Тоньюкуку. – Д. С.) иди с войском и оставайся в Алтунской черни». Были назначены начальниками войска (видимо, правое и левое крыло) Инэль-каган и тардушский шад. «А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал: веди это войско, – сказал». А Апа-таркану (главнокомандующему – Капаган-кагану. – Д. С.) послал известие: «Мудрый Тоньюкук – он хитрый и сам он понимающий» (Там же. С. 68). В это время «опять» поступило сообщение о выступлении тюргешей.

Таким образом (и это имеет принципиальное значение), речь явно идет о разделении тюркского войска: какая-то часть его во главе с Бегю-каганом вернулась в ставку, другая часть (главная ударная сила войска?) осталась воевать с нападшими тюргешами. Подобную мысль ранее, но без какого-либо обоснования высказал С. Г. Кляшторный: «Бегю вернулся в ставку, оставил войско в Алтунской черни» (Кляшторный, 1964. С. 139).

Итак, «мы находились в Алтунской черни» (Малов, 1951. С. 68). Алтунская чернь – это Алтай. Скорее всего, Горный Алтай; наиболее вероятный путь туда лежит в обход Кузнецкого Алатау через северные районы Минусинской котловины. Сюда, после победы над кыргызами на юге, в черни Сунга, могло продвигаться тюркское войско. Дальнейшие события можно обозначить только «пунктиром», следуя наиболее полной версии надписи Тоньюкука.

«Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иргыш (еще одно указание на истинность данного направления. – Д. С.). Тюргешское «войско народа десяти стрел без остатка отправилось в поход <...> говорят, (среди них) есть и войско табгачей (китайцев. – Д. С.)». Встреча тюрков и армии тюргешей произошла в «степи Ярышской» (Западный Алтай; скорее всего, р. Чарыш, Чарышская степь). Несмотря на численное превосходство, по словам лазутчика, «десять тюменов» войска (100 тысяч – явное преувеличение. – Д. С.), тюргеша потерпели поражение. «Мы (т. е. тюрки. – Д. С.) прогнали врагов, их кагана мы схватили <...> преследовали (врагов) до Темир-капыга» (Там же, с. 68–69). Темир-капыг – это Железные ворота в Джунгарии, крайняя западная точка

завоеваний древних тюрков периода Второго тюркского каганата.

Окончательное возвращение тюркских войск в ставку Капаган-кагана (Северная Монголия?) происходило уже, скорее всего, с территории Джунгарии по южным склонам Монгольского Алтая. В дальнейшем, ведя непрерывные войны, тюрки победили еще много народов. Но ни об одной военной кампании не сохранилось такой исторической памяти, как о походе 711 года, очертившем, по сути дела, все внешние границы постоянных или временных владений Второго тюркского каганата.

Археологические источники

В плане рассматриваемой темы из всего массива археологических материалов, связанных с культурой древних тюрков, прежде всего наше внимание привлекают памятники Минусинской котловины – территории, где появление большинства из них связано с походом 711 года и через северные районы которой, по всей видимости, происходило дальнейшее продвижение древних тюрков в Алтунскую чернь. По отношению к более южным районам Центральной Азии таких памятников сравнительно немного. Это несколько каменных изваяний, серия погребений с конем, считающихся древнетюркскими, одно поминальное сооружение древнетюркской знати около с. Знаменка (не раскопанное), возможно, несколько фигур животных из таких же мемориальных комплексов и др. Подробное описание и общая характеристика этих памятников дана в работах Ю. С. Худякова (Худяков, 1979; 1994; 2004), по мнению которого их появление здесь связано с походом 711 года и последующим периодом истории Второго тюркского каганата.

Отличительная особенность этих материалов – дискретность распространения и разнохарактерность, т. е. как будто отсутствие какой-либо одной устойчивой традиции, что затрудняет их датировку и атрибуцию. Принадлежность некоторых из них, например каменных фигур животных или мемориального сооружения (?) у с. Знаменка, остается дискуссионной. Вместе с тем обращает на себя внимание, что наиболее значительная часть этих памятников, действительно датирующихся не ранее начала VIII в., находится на северо-западе Минусинской котловины (верховья р. Чулым, в районе с. Новоселово). В настоящее время круг источников, относящихся к этому времени, может быть расширен (на скальные изображения, рунические надписи, тамги), что говорит об особом значении данного региона в истории пребывания древних тюрков на Среднем Енисее.

Каменные изваяния. Изобразительная традиция древнетюркских каменных изваяний периода Второго тюркского каганата отличается весьма устойчивой иконографией – это изображение мужчины-воина с сосудом в одной руке (на груди?) и другой, опущенной к поясу с подвешенным к нему оружием. По изображенным на них реалиям они уверенно датируются VIII–IX вв. В Минусинской котловине известно только три таких изваяния – тип I, по классификации Ю. С. Худякова (Худяков, 2004. С. 17–18). Все они происходят из одного указанного выше района.

Одно из них, наиболее выразительное, о котором первые сведения были получены еще 18 декабря 1721 г. (Мессершмидт, 2012. С. 21), – Казан-Кыс-таш – было открыто и зарисовано Д. Г. Мессершмидтом 20 июня 1722 г. (Там же. С. 110) (рис. 1, 4). Оно находилось в междуречье Черного и Белого Июсов, около оз. Кара-Куль, в «хорошенькой долине, поросшей березами и соснами». Голова изваяния была отбита; никаких сопроводительных сооружений (оградки и ряда камней-балбалов, характерных для этого вида памятников) с ним обнаружено не было.

Более позднее изображение этого же памятника, сделанное геодезистом И. Шишковым, опубликованное И. П. Фальком и затем воспроизведенное в работе М. П. Грязнова (Грязнов, 1950. Рис. 18, 1), значительно исказило образ изваяния Казан-Кыс-таш. На самом деле это типично древнетюркское изваяние – с изображением кубка на низком поддоне, пояса с прямоугольными бляхами-оправами, наклонно висящей саблей (или палашом), сумочкой на поясе, характерным образом переданными чертами лица и «манерно» отставленным большим пальцем (Худяков, 2004. Рис. 3; Тункина, Савинов, 2017. Табл. XIII, 3). Отсутствие сопроводительного сооружения (оградки), условия нахождения – отдельно стоящая фигура – говорят о явно «вторичном» переосмыс-

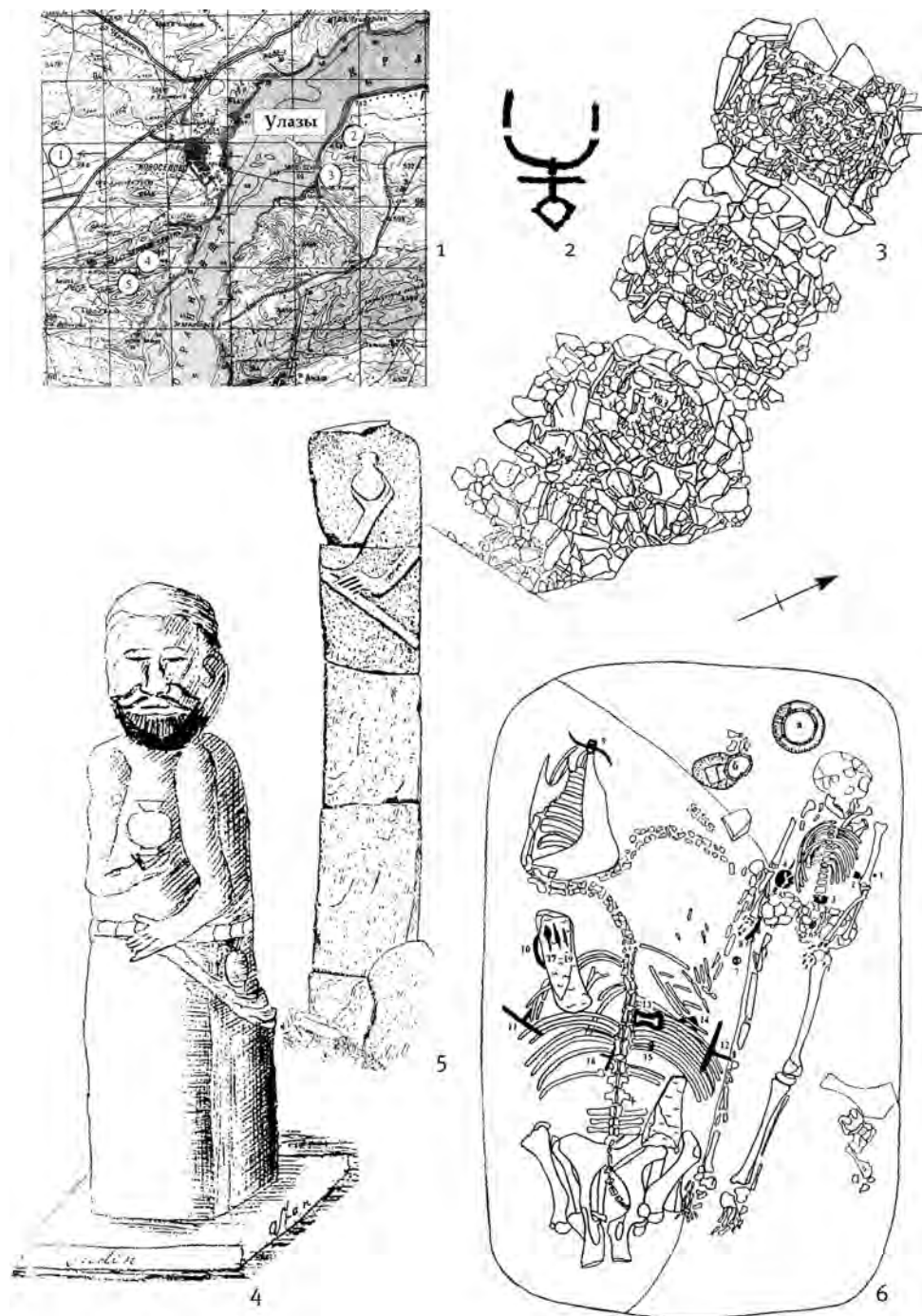

Рис. 1. 1 – предполагаемое место нахождения древнетюркской фактории VIII–IX вв. (Мухарева, 2012: 1 – изваяние Казан-Кыс-таш; 2 – Городовая стена; 3 – Улазы; 4 – Маркелов Мыс I; 5 – Маркелов Мыс II); 2 – Улазы, древнетюркская тамга VIII–IX вв. (Мухарева, 2015); 3 – Маркелов Мыс I, планы наземных сооружений (Тетерин, 2000); 4 – изваяние Казан-Кыс-таш; рисунок Д. Г. Мессершмидта (Тункина, Савинов, 2017); 5 – изваяние на р. Черный Июс (Аппельгрэн-Кивало, 1931); 6 – Маркелов мыс I, могила 5, план (Тетерин, 2000)

Fig. 1. 1 – presumed location of the early Turkic trading outpost of the 8th–9th centuries (Мухарева, 2012: 1 – Kazan-Kys-Tash statue; 2 – defensive wall; 3 – Ulazy; 4 – Markelov Mys I; 5 – Markelov Mys II); 2 – Ulazy, early Turkic tamga of the 8th–9th century (Мухарева, 2015); 3 – Markelov Mys I, plans of surface structures (Тетерин, 2000); 4 – Kazan-Kys-Tash statue. Drawing by D. G. Messerschmidt (Тункина, Савинов, 2017); 5 – statue on the Cherny Iyus River (Аппельгрэн-Кивало, 1931); 6 – Markelov Mys I, grave 5, plan of the burial (Тетерин, 2000)

лении ритуала, уже не производившегося в полной мере в новых условиях обитания тюрков.

О находке другого изваяния сообщает Г. Ф. Миллер. После осмотра Казан-Кыс-таш «на следующий день после обеда мы (Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. – Д. С.) прибыли к речке (Туим. – Д. С.), которая замечательна тем, что <...> неподалеку от того места на ровной степи стояла каменная статуя, перевезенная 3 года тому назад <...> в Красноярск, где она находится по сие время» (Радлов, 1894. С. 83). Это было изваяние окуневской культуры, находившееся около оз. Ачик-Коль, переоформленное в древнетюркское изваяние, с рунической надписью на задней стороне камня; его рисунок опубликован В. В. Радловым (Там же. Рис. на с. 99). Впоследствии оно было утрачено, но в 1971 г. была обнаружена верхняя часть этого изваяния – «голова» (Леонтьев и др., 2006. С. 7).

Третье изваяние в конце XIX в. обнаружено И. Р. Аспелиным у с. Подкамень на р. Черный Июс и затем опубликовано Х. Аппельгреном-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1930. Abb. 301) (рис. 1, 5). Оно было разбито на пять частей, без головы. М. П. Грязнов считал, что это то самое изваяние Казан-Кыс-таш, но уже находящееся на «новом месте, в 5 км от прежнего» (Грязнов, 1950. С. 149). Но разница в размерах и форме камня (Там же. С. 149, прим. 1), отсутствие соответствующих реалий не позволяют согласиться с этим утверждением. Л. А. Евтюхова (1952. С. 95–96) первая предположила, что в данном случае речь идет о разных памятниках. Это мнение поддержал Ю. С. Худяков, приведший прорисовки одного и другого изваяния (Худяков, 2004. С. 17–18, рис. 3; 4, 1).

Таким образом, все три каменных изваяния, выполненных в древнетюркской изобразительной традиции VIII–IX вв., – Казан-Кыс-таш, Ачик-Коль, Подкамень – найдены в одном и том же районе, в непосредственной близости друг от друга, что может свидетельствовать об особом значении этого отдаленного района в этнополитической истории тюрков периода Второго каганата.

Наскальные изображения. Первые сведения о наскальных изображениях из этого района также связаны с деятельностью Д. Г. Мессершмидта. Так, 18 февраля 1722 г. им были открыты «разные языческие надписи» и красочные рисунки на Городовой

стене. Через полгода, 26 сентября 1722 г., они были с воды исследованы вторично (Радлов, 1888. С. 15, 17–18). Это местонахождение, находящееся «версты за три не доезжая до Новосела», впоследствии стало известно как Новоселовская писаница (Мессершмидт, 2012. С. 152). Однако настоящее исследование Новоселовской писаницы началось только с 1980-х гг. Были открыты десятки новых плоскостей с большим количеством изображений разного времени, в том числе рунические надписи (Мухарева, 2016; Заика и др., 2005), об одной из которых особо будет сказано ниже. В настоящее время писаница «Городовая стена» (Новоселовская) постепенно разрушается водами Красноярского водохранилища.

На том же берегу, в 2–3 км южнее Новоселовской писаницы в настоящее время исследуется крупнейший в северной части Минусинской котловины комплекс наскального искусства Улазы – Улазы I, Улазы II, Улазы III и т. д. (рис. 1, 1). В отличие от всех остальных петроглифических памятников бассейна Среднего Енисея (а их немало и не менее ярких), основной изобразительный пласт представленных здесь рисунков относится к раннему средневековью. Пожалуй, нигде в петроглифах этого времени пласт таких изображений не выражен столько отчетливо и разнообразно, как в Улазах.

Наряду с другими более ранними изображениями, наверное, здесь представлен весь арсенал образов древнетюркского петроглифического искусства (Мухарева, 2012; Леонтьев и др., 2005; и др.). Среди них – динамичные сцены охоты и великолепные изображения вооруженных луками всадников (рис. 2, 2, 3); у некоторых лошадей показаны «зубцами» постриженные гривы (рис. 2, 4, 5). Особо следует отметить изображения верблюдов – с «наездниками» и «в поводу» (рис. 2, 6, 7), а также крытой двухколесной повозки в бычьей запряжке (рис. 2, 1), имеющей ближайшие параллели в петроглифах Горного Алтая и Казахстана (Мухарева, 2011, рис. II, 1, 3–5). Рядом с фигуративными изображениями на тех же плоскостях находятся различного рода тамги, один из вариантов которых – дуга на кресте с ромбическим основанием (рис. 1, 2), по заключению Л. Р. Кызласова, является тамгой древнетюркской знати и датируется VIII–IX вв. (Мухарева, 2015. С. 80–81).

Рис. 2. Наскальные изображения местонахождения Улазы (Леонтьев и др., 2012)
Fig. 2. Rock representations at the site of Ulazy (Леонтьев et al., 2012)

Детальное изучение петроглифов Улазы позволяет сделать два наблюдения, немаловажных с точки зрения общей интерпретации рассматриваемых памятников. Первое, что по некоторым характерным деталям (стилистика особенности рисунков, постриженные «зубцами» гривы, позы торжественно шествующих всадников) «нельзя не отметить существенного сходства их с изображениями более отдаленного памятника – Шишкинской писаницы на р. Лене» (Леонтьев и др., 1995. С. 132), т. е. с курьканскими всадниками. Второе, это нахождение в непосредственной близости от них двух крупных могильников – Маркелов Мыс I и II – с погребениями таштыкского времени и раннесредневековыми (VIII–IX вв.), что «красноречиво свидетельствует о наличии нескольких этнических групп населения, обитавших на данном историческом отрезке на севере Минусинской котловины» (Мухарева, 2013. С. 60). Одной (и, наверное, главной) из этих групп были древние тюрки.

Погребальные сооружения. По данным Ю. С. Худякова 2004 г., на Среднем Енисее за все время исследования было раскопано около 70 древнетюркских погребений, происходящих из 18 (по другим данным – 20) памятников, разбросанных по всей территории Минусинской котловины (Худяков, 2004. С. 25–26, рис. 1). По мнению исследователя, это объясняется тем, что после похода 711 года и победы над кыргызами «в стратегически важных местах долины Енисея, по устьям рек Аскиз, Есь, Таштык, Туба, Тея, в долинах рек Уйбат, Чулым, Черный Июс, Ниня (т. е., по сути дела, повсеместно. – Д. С.) были расселены ветераны тюркского войска. <...> Вполне вероятно, что поселившимся в Минусе военным поселенцам были пожалованы земли с подвластным населением, где кок-тюрки заняли место прежней кыргызской родовой аристократии». И далее по нарастающей: «Появление в Минусинской котловине тюркского нового населения, занимавшего в кыргызской среде привилегированное социальное положение, способствовало не только заимствованию кыргызами административного опыта и культурных достижений пришельцев, но и послужило своеобразным импульсом для тюркизации окрестного зависимого населения в этнокультурном и языковом отношении. <...> Кок-тюрки, натурализова-

вшиеся в Минусинской котловине, из недавних врагов превратились в естественных союзников в борьбе с уйгурами» (Худяков, 1994. С. 86–87).

Такая красивая, но, в общем, достаточно произвольная интерпретация, перешедшая и в другие работы Ю. С. Худякова, не вызвала обсуждения. Пожалуй, кроме одного дополнения, что она «не исключает постоянную инфильтрацию, возможно под давлением уйгуров, различных групп в течение всего VIII в.» (Митько, Тетерин, 1993. С. 403). Между тем отдельные погребения с конем (Усть-Тесь и Кривинское) могли появиться и в более раннее время (в период государства Сеяньто?); другие (Сабинка II и Кирбинский Лог) датируются позднее. Все древнетюркские погребения в бассейне Среднего Енисея, за исключением могильников Маркелов Мыс I и II, – это отдельные захоронения древнетюркских воинов, мало соответствующие понятию «элиты» кыргызского общества.

На наш взгляд, можно несколько иначе интерпретировать известные в настоящее время археологические материалы, в которых нашли отражение последствия военного похода древних тюрков 711 года. Если исходить из количественного фактора представительности погребений этого времени с конем (в первую очередь определяемых как древнетюркские), то оказывается, что значительная часть их находится на северо-западе Минусинской котловины в составе двух могильников Маркелов Мыс I и II в одном районе с уже рассмотренными выше памятниками (рис. 1, I).

Могильник Маркелов Мыс I (раскопки Ю. В. Тетерина, 1988–1998 гг.) включает 28 погребений. Расположен на левом берегу Енисея, в 7 км севернее с. Новоселово, напротив Новоселовской писаницы и петроглифического комплекса Улазы (Тетерин, 1999; 2000). Могильник Маркелов Мыс II находится на том же берегу, в 500 м южнее могильника Маркелов Мыс I (рис. 1, I). Раскопано приблизительно столько же (?) погребений, но точное число не указывается (раскопки О. А. Митько, 1988–1998 гг.). В любом случае в составе этих двух могильников – не менее половины всех известных в настоящее время древнетюркских погребений этого времени, сконцентрированных на крайнем северо-западе приенисейских степей в районе с. Новоселово.

Оба могильника сооружены на местах находившихся здесь ранее таштыкских некрополей: могильник Маркелов Мыс I – в непосредственной близости от большого таштыкского кургана-склепа, который ко времени появления тюркских захоронений, скорее всего, уже не функционировал. «Обе древнетюркские группы, оставившие эти могильники (Маркелов Мыс I и II), занимали стратегически очень выгодное положение – в самом узком месте между реками Чулым и Енисей <...> и являются самыми северными древнетюркскими памятниками Минусинской котловины» (Тетерин, 1999. С. 121).

Материалы могильников, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованы; их краткая общая характеристика дана в совместной работе авторов раскопок (Митько, Тетерин, 1998). Это очень плотное («сотовое») расположение захоронений группами (от 3–4 до 12 объектов) на ограниченном участке, посередине которого находится погребение мужчины-воина старческого возраста с конем; наличие крепиды из крупных плит в основании надмогильного сооружения, первоначально имевшего вид овальной платформы диаметром до 10–12 м (рис. 1, 3). Положение погребенного – на спине, вытянуто, преимущественно с западной ориентировкой, остов коня – справа от человека с головой в том же направлении (рис. 1, б). По всем этим признакам древнетюркские погребения могильников Маркелов Мыс I и II более всего напоминают курганы этого же времени в Центральной Туве (Трифонов, 1975; 2013) – предполагаемом месте исхода древних тюрков в военной кампании 711 г.

Погребения могильников Маркелов Мыс I и II были ограблены в очень сильной степени (во всяком случае, число опубликованных вещественных материалов из них крайне незначительно), однако по размерам и тщательности оформления могильных сооружений можно судить о социальной значимости погребенных. Другие особенности материалов могильников Маркелов Мыс I и II говорят о характере взаимоотношений отдельных групп обитавшего здесь населения. Скорее всего, под эгидой пришлых и осевших здесь, на северо-западной окраине Минусинской котловины, центральноазиатских тюрков находились остатки таштыкцев и местные кыргызы. Об этом свидетельствуют редкие случаи использования огня в погребальном

обряде (прокалы, угли, обожженные кости (таштыкская традиция?)), а также сопроводительные захоронения (правда, очень немногие) с остатками трупоожженных, в одном из которых найден глиняный сосуд типа «кыргызской вазы» (кыргызская традиция). По заключению авторов раскопок, «эти захоронения отражают сложную этносоциальную структуру древнетюркских коллективов» (Митько, Тетерин, 1998. С. 403). Впрочем, разделить их на этом уровне уже трудно.

* * *

Исходя из всех приведенных выше данных: наличие в одном небольшом стратегически важном районе большого количества наскальных изображений, рунических надписей, нескольких изваяний и значительной части из всех известных погребений с конем этого времени, – можно предполагать нахождение здесь, на северо-западе Минусинской котловины, древнетюркской фактории, появление которой было связано с походом 711 года³. Сама идея о существовании тюркских военных гарнизонов на Среднем Енисее после публикации редких тогда материалов могильников Капчалы I и II высказана А. Д. Грачом, но никак не была аргументирована (Грач, 1966. С. 193). В известном смысле на нее опирался в своих построениях Ю. С. Худяков. В свете всех изложенных материалов она представляется наиболее обоснованной и достоверной.

Южнее ее находится известная Сулекская писаница с большим количеством посетительских рунических надписей (Кызласов И., 1994. С. 289–299) и резными изображениями, считающимися кыргызскими. Возможно, по этой линии – слияние Черного и Белого Июсов – проходила южная граница древнетюркского владения, отделяющая его от остальной территории государства енисейских кыргызов.

Предложенной реконструкции по духу и содержанию соответствует руническая надпись на Городовой стене (Новоселовская писаница), названная «самой северной рунической надписью на Енисее». В переводе Д. Д. Васильева: «Когда (враги, преграды) уничтожены, о Мать-река Кем, и нас

³ В краткой тезисной форме это положение было обосновано в докладе 2018 г. (Савинов, 2018).

соединила глубокая артерия, то мы все (как добрые твои друзья) живем. Наши исконные земли. Мое богатое сооружение» (*Васильев*, 1986. С. 54). Можно полностью согласиться с Д. Д. Васильевым в том, что данная надпись «отмечает один из конечных пунктов похода, в результате которого кыргызы были подчинены тюркам. Эти соображения и палеография надписи позволяют датировать ее первой половиной VIII в.» (Там же. С. 56). В Новоселовской надписи указаны все «участники» рассматриваемых событий: и прошлые враги (преграды), которые были уничтожены; и соединившая тюрков и кыргызов «Мать-река» Кем (Енисей), с которыми они теперь дружно «живут»; и определенное право на «исконные» земли; и указание на «богатое» сооружение (укрепленная фактория?).

Можно предполагать, что отсюда, как с «плацдарма», происходило продвижение тюркских войск в Алтунскую чернь и далее – во время похода против тюргешей в Ярышскую степь. Скорее всего, и в дальнейшем здесь должен был находиться опорный пункт для защиты северо-западных рубежей подвластных владений Второго тюркского каганата. Одновременно отсюда тюрки могли регулировать отношения с енисейскими кыргызами. Возможно, что это является причиной отсутствия кыргызских памятников этого времени на северо-западе Минусинской котловины – данная область уже была занята тюрками, «наложившимися» на местную таштыкскую основу. Определенную роль создание такого воинского поселения после победы над тюргешами, как обеспечение «тыла», могло сыграть и в последующих походах тюрков в Синьцзян в 716 г. под водительством того же Могиляня.

И еще одно немаловажное обстоятельство. В арабо-персидских источниках говорится о том, что отправной точкой при следовании караванов на Восток был город Тараз (бывш. Джамбул). От него шел торговый путь через земли огузов до Иртыша, где находилась страна кимаков. Из страны кимаков далее торговый путь шел в страну кыргызов (на Енисей). От кыргызов дорога шла на восток – к народу фури – курыканам рунических надписей, в Прибайкалье. Последовательность изложения этих путей позволяет предположить существование весьма протяженного «широтного» пути, проходившего как бы «парал-

лельно» основной трассе Великого шелкового пути (*Савинов*, 2015).

Древнетюркская фактория на северо-западе Минусинской котловины, где должен был проходить путь из страны кимаков на Иртыше (Восточный Казахстан) в страну кыргызов (на Енисее) и далее в Прибайкалье, могла играть роль контролирующего центра на этом участке северного варианта Великого шелкового пути. Отсюда, с одной стороны, изображения караванов верблюдов и повозки в петроглифах Улазы, имеющие параллели в наскальных изображениях Казахстана, с другой – явные «переключки» изображенных здесь всадников на лошадях с постриженными «зубцами» гривами с курыканскими писаницами Прибайкалья. Впервые на это обратил внимание А. П. Окладников, сопоставляя изображения Шишкинских и Сулекских всадников (*Окладников*, 1951).

Судя по всему, к этому имеет отношение и то, что здесь, в междуречье Июсов, на ограниченном участке около 20 км (*Панкова*, 2013. С. 143), сконцентрированы все известные в настоящее время изображения «долгополых фигур» (священнослужителей), давно привлекающие внимание исследователей (всего более 30 фигур). Время их появления пока точно не установлено – таштыкская эпоха и позже; в том числе, возможно, и в период VIII–IX вв. Однако в данном случае, кем были представлены на них персонажи – манихеями или несторианцами, не имеет значения. Важно их локальное местоположение.

На вопрос С. В. Панковой: «Что может означать столь ограниченный район распространения этих гравировок? Почему они концентрируются только на северо-западе Минусинских степей?» (Там же. С. 155) – ответ был дан ею же самой в одной из предшествующих работ: «Появление в Хакасии рассмотренных изображений связано, очевидно, с деятельностью миссионеров, продвигавшихся по трассам Шелкового пути в составе посольств и караванов» (*Панкова*, 2000. С. 232). С наибольшей вероятностью этот путь пролегал в обход Алтайской горной системы и Кузнецкого Алатау, по южной кромке западносибирской тайги, где после похода 711 года была основана древнетюркская фактория, помимо всего прочего осуществлявшая контроль за этим участком Великого шелкового пути.

- Бутанаев, 1995 – Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: НИС ХаКГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. 266 с.
- Васильев, 1986 – Васильев Д. Д. Самая северная руническая надпись на Енисее // *Turcologica* 1986. К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. Л.: Наука, 1986. С. 53–56.
- Грач, 1966 – Грач А. Д. Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник 1966. К шестидесятилетию академика А. Н. Кононова / Отв. ред. С. Г. Кляшторный. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1966. С. 188–193.
- Грязнов, 1950 – Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. № 12. С. 128–156.
- Евтюхова, 1952 – Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952. Т. 1. С. 72–120. (МИА. Вып. 24).
- Заика и др., 2005 – Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. М. Новоселовские писаницы (итоги археологических исследований 2004 года) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С. В. Киселева, г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г. Красноярск: КГПУ, 2005. С. 159–161.
- Кляшторный, 1964 – Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
- Кляшторный, 1976 – Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica* 1976. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / Ред. С. Г. Кляшторный и др. Л.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1976. С. 258–269.
- Кубарев, 2016 – Кубарев Г. В. Руническая надпись из Калбак-Таша в Центральном Алтае (К вопросу об азах и территории их расселения) // АЭАЕ. 2016. № 4. С. 92–101.
- Кызласов И., 1994 – Кызласов И. Л. Рунические письменности Евразийских степей. М.: Изд-во восточной литературы, 1994. 323 с.
- Леонтьев и др., 2005 – Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятники наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. К 60-летию В. В. Боброва / Отв. ред. Л. Н. Ермоленко. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 120–132.
- Леонтьев и др., 2006 – Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.
- Малов, 1951 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Малов, 1959 – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
- Мессершмидт, 2012 – Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск / Науч. ред. Э. Л. Львова; пер. с нем., предисл. и коммент. Е. А. Ким. Абакан: Кооператив Журналист, 2012. 160 с.
- Митько, Тетерин, 1998 – Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы Междунар. симпозиума / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 396–404.
- Мухарева, 2011 – Мухарева А. Н. Изображения крытых повозок в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л. Н. Ермоленко. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 72–78.
- Мухарева, 2012 – Мухарева А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская. Лънищенская. Улазы III. Сосниха. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 57–71. (Гр. САИПИ. Вып. X).
- Мухарева, 2013 – Мухарева А. Н. Стилистические варианты и особенности техники нанесения наскальных изображений комплекса Улазы (I тыс. н. э.) // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4 (история). С. 57–61.
- Мухарева, 2015 – Мухарева А. Н. «Энциклопедия» тамг на горе Большой Улаз (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 3, № 1 (археология, история). С. 78–82.
- Мухарева, 2016 – Мухарева А. Н. Писаница на утесе Городовая стена: история изучения и современное состояние // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Материалы междунар. конф. / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 2016. С. 144–147.

- Окладников*, 1951 – *Окладников А. П.* Конь и знамя на ленских писаницах // Тюркологический сборник I / Отв. ред. А. В. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 143–154.
- Панкова*, 2000 – *Панкова С. В.* Наскальные изображения представителей неизвестного культа на севере Хакасии // Святотилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 229–232.
- Панкова*, 2013 – *Панкова С. В.* Изображения на курганных плитах у д. Подкаменка на севере Хакасии // НОСА. 2013. № 1 (5). С. 125–158.
- Радлов*, 1888 – *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб.: Издание ИАК (Тип. Имп. Академии Наук), 1888. Т. 1, вып. 1. Приложение. С. 1–20.
- Радлов*, 1894 – *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб.: Издание ИАК (Тип. Имп. Академии Наук), 1894. Т. 1, вып. 3. Приложение. С. 43–146.
- Савинов*, 1974 – *Савинов Д. Г.* Караванные пути Южной Сибири // Бартольдские чтения. ТД и сообщ. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1974. С. 49–51.
- Савинов*, 2015 – *Савинов Д. Г.* Северный/сибирский вариант Великого шелкового пути // Торговля в этнокультурном измерении. Материалы XIV Междунар. С-Петербург. этнографических чтений / Отв. науч. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. СПб.: РЭМ, 2015. С. 49–55.
- Савинов*, 2018 – *Савинов Д. Г.* Древнетюркская фактория VIII–IX вв. на северо-западе Минусинской котловины // Тюркомонгольский мир: история и культура. Междунар. науч. конф. К 90-летию С. Г. Кляшторного и 200-летию основания Азиатского музея / Отв. ред. и сост. Т. Д. Скрынникова. СПб.: Ин-т восточных рукописей РАН, 2018. С. 35–36.
- Тетерин*, 1999 – *Тетерин Ю. В.* Погребение знатного тюрка на Среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 113–123.
- Тетерин*, 2000 – *Тетерин Ю. В.* Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-1 // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В. И. Молодин и др. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 27–54.
- Трифонов*, 1975 – *Трифонов Ю. И.* Конструкция древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. К 70-летию М. П. Грязнова / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 185–193.
- Трифонов*, 2013 – *Трифонов Ю. И.* Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 3–114.
- Тункина, Савинов*, 2017 – *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт. У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Suppl. 6).
- Худяков*, 1979 – *Худяков Ю. С.* Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А. П. Погожева. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1979. С. 203–205.
- Худяков*, 1994 – *Худяков Ю. С.* Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э. / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 85–95.
- Худяков*, 2004 – *Худяков Ю. С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.
- Appelgren-Kivalo*, 1931 – *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 48+72 S.

The history of the raid of 711 AD: early Turks in the north-west of the Minusinsk Depression

D. G. Savinov

The raid of 711 AD across the Sayans against the Yenisey Kyrgyzes was the most vivid imprint in the history of the early Turks of the Second Khaganate period connected with the conquests in the north of Central Asia. In terms of source studies, it is extremely important that these events are covered from different sides in documents

independent of each other. Information on them is found in written sources (texts of famous Orkhon inscriptions from Mongolia and runic inscriptions from Altyn-Kel on the Yenisey) and they are reflected also in archaeological monuments of the early Turks in the area of the Minusinsk Depression to which the military raid of 711 was directed

(burial installations, stone statues, rock representations). This combination of documentary and archaeological sources is very propitious for a most realistic interpretation of the events which have already not once attracted the attention of researchers. Meanwhile, as the evidence considered earlier and the new one demonstrates, the possibilities of these investigations are far from been exhausted. All the data here considered, i.e. the presence of numerous rock representations, runic inscriptions, several statues and a considerable number of the known burials with a horse within a single small but strategically important region,

suggest the existence of an early Turkic trading outpost here, in the north-west of the Minusinsk Depression. Its appearance was connected with the raid of 711. The epigraphic evidence also complies with this supposition. An early Turkic trading outpost in the north-west of the Minusinsk Depression where the route from the land of the Kimaks on the Irtysh (East Kazakhstan) to the land of the Kyrgyzes (on the Yenisey) and farther on to the Baikal region must have passed, can have played the role of a control centre in this part of the northern branch of the Great Silk Way.